

УДК 37

**ОТМЕНА СИСТЕМЫ КЛАССИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ «РУССКОГО БОГАТСТВА»)***Михаил Михайлович Позднев*

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация,
197198, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; m.pozdnev@spbu.ru

Понять близкие причины и точно определить исторический момент ликвидации «классической системы» помогают публикации «Русского богатства», либерального журнала, объективно отражавшего отношение большинства русского общества к древним языкам в школе. Хорошо известно, что недостатки введенной Д. А. Толстым в 1871 году образовательной модели — формальное отношение к преподаванию древних языков, его узко-грамматический характер, всеобщая обязательность и единообразие — привели к ее гибели накануне революции 1905 года. Статьи и очерки «Богатства» позволяют выяснить, как в точности это произошло. Недовольство образовательной политикой порождало сочувствие учителей к неуспевающим, прорвавшееся наружу после обращения предводителей дворянства к царю в 1898 г. Послабление на выпускных экзаменах вызвало приток недоученных гимназистов в университеты, студенческие волнения 1899–1901 гг. и — в качестве уступки революционным настроениям — отмену обязательного экзамена по греческому языку сперва в 1901 и затем, уже окончательно, в 1903 году. Библиогр. 29 назв.

Ключевые слова: классическая гимназия, древние языки, «Русское богатство», история образования, Короленко, Анненский.

В оценке русской гимназии конца XIX века сосуществуют противоречащие друг другу истины. Лучшие представители общества были выпускниками гимназий. Причастность классицизма к их успехам бесспорна. Однако и печать, и беллетристика, а нагляднее всего — воспоминания, оставленные теми же лучшими людьми (Е. Н. Трубецким, П. Д. Долгоруковым, С. Ю. Витте, В. В. Вересаевым и др.), нередко отражают уродливый образ воспитавшей их школы.¹ Об учителях при этом — отзывы самые тёплые. Пишущие любовно признают, что их учителя были гуманными, образованными, прогрессивными, преданными делу.² То же и об адми-

¹ Яркие примеры находим у Гарина-Михайловского («Гимназисты», гл. 19), Гиляровского («Мои скитания», гл. 1), Короленко («История моего современника», кн. 1, ч. 3, гл. 19–20).

² Симпатией полны не только отзывы об учителях по призванию, таких как Карл Май, или Инн. Анненский (Финкельштейн 2008, 21–28), или В. Н. Янчевецкий, преподававший латынь в 1-й петербургской гимназии (Немировский 1989, 546–555, с отрывком из мемуаров Вс. Рождествен-

нистрации: не слышно недовольства директором, воспитателями или даже инспектором. Напротив, упоминают и об их гуманности. Слово это — «гуманность» — слышится почти так же часто, как известный упрек гимназии — «формализм». Редко сетуют на материальное обустройство классов и помещений рекреации. Что же ругают? Все их проклятия относятся к школе вообще, к той системе образования и воспитания, в которой гуманность педагогического коллектива пыталась ужиться с формализмом школьного устава. Предлагаемый ниже разбор касается последствий этой уживчивости.

Об общих недостатках образовательной программы, которую вынуждено было адаптировать к русской школе министерство Д. А. Толстого, мы писали в отдельной статье.³ В настоящем очерке сосредоточим внимание на узловом историческом моменте — моменте ликвидации классической системы (определим его пока приблизительно: 1898–1903 гг.), и попробуем уяснить непосредственные причины её провала. Аргументы защитников древних языков в гимназии реферировать излишне; исчерпывающее представление о них дают полемические лекции Ф. Ф. Зеллинского «Древний мир и мы». Опишем поэтому позиции другой стороны, едва ли не более поучительные для приверженцев школьного классицизма в наши дни. Ориентиром послужат мнения издателей «Русского богатства» — наиболее объективного из органов либеральной печати, издававшихся в интересующее нас время. Высокими тиражами журнал, выходивший ежемесячно, был обязан прежде всего публиковавшимся в нем статистическим данным. Гарантией объективности в их критической обработке служила репутация одного из редакторов — Н. Ф. Анненского, поставившего на научную основу дело земской статистики. Другой фактор популярности — известная всей читающей России общественная позиция В. Г. Короленко. Более монолитная фигура — Н. К. Михайловский; с ним в основном связана народническая и оппозиционная направленность «Богатства». Но даже с ним журнал не левел, оставаясь «народническим» при понимании «народа» как всего населения России. Не стеснённая классовыми интересами, свободная мысль интеллигентного наблюдателя переходит от потребительской корзины русской деревни к жизни американских миллиардеров и от литературной полемики к географическим открытиям. Рассуждая о национальной психологии в ее связи с экономической жизнью, А. Б. Горянин вспоминает отвлеченные теории народников: «Люди, отрицающие нашу способность к рыночному поведению, <...> живут книжными догмами времен народников. Но жизнь любит посмеяться над умозрительными построениями».⁴ Едва ли такими «народниками» видятся автору Анненский, Короленко и большинство участников журнала, потому что именно «жизнь, смеющаяся над умственными построениями», составляла предмет их исследования и описа-

ского). Даже мало примечательные и малосимпатичные беликовы и передоновы провинциальных школ в изображении учеников не лишены обаяния. Любопытны в этом смысле художественно непритязательные, но вместе и откровенные, портреты учителей вятской гимназии начала 1870-х годов, перепечатанные из ученической тетради (Спасский 2004, 133–137). Встречаются, конечно, и другие: ср. в цит. выше сборнике воспоминания Н. Оцуа о Я. Г. Море (Финкельштейн 2008, 30) или в «Гимназистах» Гарина-Михайловского — о латинисте Хлопове (гл. 4). Но подобные образы не характерны, как явствует, например, из цитируемых ниже школьных воспоминаний В. А. Эвальд: хотя пишущий критикует гимназию, в его галерее учительских портретов почти нет отталкивающих.

³ Pozdnev 2015.

⁴ Горянин 2004, 168.

ния. Их лозунг — откликаться на требования жизни, противостоящие отвлеченным от жизни доктринам. Классицизм виделся (и был) педагогической доктриной. И когда за месяц до начала нового, 1903-го, учебного года греческий язык вывели из разряда обязательных предметов, В. А. Мякотин, многолетний сотрудник «Богатства», состоявший также в редакции, резюмировал: «Жизнь успела, таким образом, пробить хоть маленькую брешь в твердыне старой школы».⁵

Под «твердыней» подразумевалась система гимназического образования, существовавшая с 1871 года. В общих чертах «толстовская» модель гимназии копировала немецкую, неогуманистическую, созданную последователями В. фон Гумбольдта.⁶ Место древнегреческого в данной системе неизбежно; с его отменой отменяется и сам классицизм. Другие опоры «твердыни» — грамматический принцип (важнейшее упражнение — перевод на древние языки)⁷ и строгое следование разработанному министерством плану занятий. Выпускные экзамены по латинскому и греческому на аттестат зрелости, который давал право зачисления в университет, имели форму *extemporalia* (включая обратный перевод). Способными сдать оказывались немногие. Враждебность к древним языкам, особенно к греческому, была, по-видимому, всеобщей. Ссылаясь на заметку в «Новом времени» от 30 сентября, Мякотин отметил: «В большей части гимназий, в которых греческий язык объявлен необязательным, нашлось лишь ничтожное число учеников, пожелавших заниматься, благодаря чему изучение греческого языка почти во всех этих гимназиях и отменено».⁸ Экзамен по греческому на аттестат остался, но все понимали, что отмена в ближайшие четыре года последует. Иначе выпускникам, отказавшимся от греческого, пришлось бы готовиться к экзамену частным порядком. Экзамен отменили весной 1906 года, однако именно в 1903 русское общество ощутило, что система рушится: в этом году Ф. Ф. Зелинский публикует свои прославленные лекции, видя насущной задачей защиту древних языков в гимназии.⁹

Д. А. Толстой выступал противником сословной школы: для успеха классицизма, рассчитанного на филологически одаренных учеников, требовалось привлечь образовательный потенциал всего народа.¹⁰ И. Д. Делянов, возглавивший министерство в 1882, нарушил гумбольдтовский принцип «школы для всех» из-

⁵ Мякотин 1903, 144–145.

⁶ Pozdnev 2015, 205–7 et passim.

⁷ Неогуманисты вдохновлялись стремлением вживить в умы молодежи античное мировосприятие. Учили писать и говорить на древних языках. Толстой считал, что единственным препятствием для успешной учебы в организованных им гимназиях служит «славянская лень». «Классическому графу» вторят его нынешние апологеты, никогда не занимавшиеся обратным переводом на древние языки: якобы «главная трудность здесь – в систематическом приложении интеллектуальных усилий» (Измествьева 2003, 159). На деле ждать от каждого успехов в подобных упражнениях — чистый идеализм. Можно сидеть часами и не достичь ничего кроме упадка сил. Легко вообразить состояние родителей, заставляющих «прикладывать усилия».

⁸ Мякотин 1903, 145.

⁹ См. Зелинский 1997, 58–59.

¹⁰ Толстой 1876, 7: «Никогда просвещение не было в России особой привилегией какого-либо сословия <...> Сколько я вижу, так понимает это и дворянство; доказательством тому служит и здешняя [одесская] гимназия, где дети дворян воспитываются вместе с детьми из других сословий, и где евреи составляют около трети учеников — факт на мой взгляд весьма утешительный». О привлечении евреев в училища и гимназии, «не трогая вовсе их религиозного верования», Толстой говорит несколько раз. М. Н. Катков, считавшийся идеологом толстовской реформы, последовательно отстаивал равноправие евреев.

вестным «циркуляром о кухаркиных детях». «Доклад о сокращении гимназического образования» (1. 7. 1887) не допускал в гимназию детей из низших городских сословий,¹¹ о крестьянах же Победоносцев, покровительствовавший дяляновскому министерству,¹² высказывался в таком смысле, что их детям светская школа и вовсе не обязательна.¹³ Комитеты грамотности и подобные им земские учреждения начального образования, поборником которых было «Русское богатство», встречали противодействие властей. По поводу смерти автора «Доклада» Короленко в своем дневнике (7. 1. 1898) записал откровенно: «В конце старого года умер Делянов, уже много лет лежавший гнилой колодой поперек дороги народного образования в России. Только у нас и возможны десятки лет министерства выжившего из ума и впавшего в детство человека».¹⁴

Вопреки позиции Толстого,¹⁵ дяляновским циркуляром ограничивался также процент принимаемых в средние и высшие учебные заведения евреев. Но особый подарок получили студенты. За год до того были закрыты высшие женские курсы (в полном соответствии со взглядами Победоносцева на женское образование). Теперь Делянов ходатайствовал «о предоставлении министру народного просвещения, в изменение ст. 129 устава университетов 23 августа 1884 г., права определять плату за слушание лекций, не стесняясь ныне установленной 50-рублевой нормой».¹⁶ Какой нормой «стесняться», не указывалось. Как следствие, 1888–1889 учебный год запомнился студенческими волнениями.

В четвертом выпуске «Русского богатства» за 1907 год Короленко публикует эссе «С экзаменами... без экзаменов... с экзаменами». Журнал отозвался на возвращение в гимназию переводных и выпускных экзаменов (по избранным предметам). После революции 1905 года последние остатки толстовской школы, даже все экзамены, были уничтожены; теперь пытались что-то вернуть. Короленко вспоминает «небольшой эпизод конца 80-х годов». Следует уточнение: «Если не ошибаюсь, это было именно в 1889 году». Московское студенчество «пошумело», присоединились студенты из Петербурга, и вместе сотни полторы оказались в Бутырской тюрьме. Содержали их нестрого, как в общежитиях: камер не запирали. Давали выпускать газету, сатирического, как тотчас пойдем, содержания: «В одном из номеров газеты, в отделе “Действия и распоряжения правительства”, было сообщено “важное известие”: “Министерство народного просвещения, снисходя

¹¹ Среди многих воспоминаний о неприятных и непонятных русскому обществу действиях дяляновского министерства (1882–1898) выделяются автобиографические зарисовки Корнея Чуковского «Серебряный герб» (гл. 16 «При лунном свете»).

¹² Волконский 1992, 54–58; Витте 1960, 74. Как явствует из деловой переписки министра (РГИА. Ф. 1574. Оп. 2. Д. 153), Делянов постоянно оглядывался на Победоносцева.

¹³ Целям их образования «должна служить для каждого сама жизнь в обстановке семейного, профессионального и общественного быта» (Московский сборник, разд. 6, гл. 1).

¹⁴ Короленко 1927, 336. Согласно редакционной заметке, дата проставлена автором карандашом, вероятно, позднее. Далее (стр. 337) В. Г. пишет и спокойнее, и объективнее: «Главный его [Делянова] недостаток именно тот, что это была пассивная колода. У него не было даже чиновничьего честолюбия, заставляющего “отстаивать свое ведомство”. Поэтому у него обрезывали бюджеты, попы в проповедях громили правительственные и земские светские школы, обвиняя все ведомство в крамоле и даже в царевыйстве, а 80-летний младенец на всё улыбался детской улыбкой».

¹⁵ Толстой 1876, 7.

¹⁶ Делянов 1894. К оценке адекватности оградительной политики дяляновского министерства: пресловутый «Доклад» издан через два месяца после казни «вторых первоапрельцев», известнейший из которых не принадлежал к низшему сословию (см. Pozdnev 2015, 208–9).

к назревшим требованиям времени, провело важную реформу в области среднего образования. Отныне, согласно циркуляру от такого-то числа за номером таким-то, уроки греческого языка переносятся на часы уроков языка латинского и — наоборот: латинский язык будет отныне преподаваться в часы, когда преподавался греческий». В передовой статье, написанной по этому поводу, говорилось, сколько могу припомнить, что эта скромная по виду реформа, имеет, однако, значение важного события; очевидно, министерство не защищает застоя во что бы то ни стало, и этим первым “передвижением” классических предметов “открывает новые широкие перспективы дальнейших, хотя осторожных, но не менее плодотворных реформ”... Однако через некоторое, очень непродолжительное, время, в том же отделе “действий и распоряжений” правительства появилось новое известие, в котором сообщалось, что “смелая реформа, произведенная министерством народного просвещения в области преподавания классических языков, не дала желаемых результатов: и юношество, и педагогический персонал, и само общество оказались не подготовленными к важной перемене, которая могла бы быть благодетельной при более высоком уровне культуры. В некоторых местах преждевременная реформа не только успела уже вызвать замешательство и осложнения самого печального свойства, но и грозит еще большими опасностями в будущем. Ввиду изложенных обстоятельств, признано за благо уроки греческого языка вновь перевести на место уроков латинского и — обратно”... “Хотя таким образом, — говорилось в новой передовице, — все дело возвращено вновь в первобытное дореформенное состояние, однако, нельзя не видеть в деятельности нынешнего министра утешительных признаков несомненной чуткости к запросам жизни. Нетерпеливые люди, которые желают во что бы то ни стало торопить ход истории, могут, конечно, при известном попустительстве цензуры писать что угодно. В одном, все же надеемся, даже и они не решатся отказать нынешним министрам, призванным к ответственной работе самодержавною волею: министерство, которое на расстоянии столь короткого времени провело в жизнь две столь важные реформы, может быть обвиняемо в чем угодно, — только не в косности и мертвенном застое”». ¹⁷

Короленко датировал эпизод и подчеркнул дату: «именно в 1889-ом году». Преобразование школьной программы, сатирически изображенное в фельетоне, было проведено дяляновским министерством в 1890. Имея иную, чем в изображении фельетониста, направленность, оно тем не менее заслуживало сатиры. В 1889–1890 учебном году студенческие шествия и митинги приобрели пугающе массовый характер. Весной 1890, через год после смерти Д. А. Толстого, министерство Делянова разработало и 20.7.1890 утвердило программу, по которой часть уроков латинского и греческого передавалась русскому языку и словесности. ¹⁸ Думаем, Короленко хотел представить написанный в Бутырьках фельетон пророческим, отчего контраст между ожиданиями общества и действиями государства выразился бы резко.

Русисты не просили от Делянова подарков: программа по словесности ничем существенным не дополнилась (хотя русская литература заканчивалась на Лермонтове). Учебное время тратилось впустую. В очерке «Ещё о школе и о жизни»,

¹⁷ Короленко 1907, 165–167. Цитируем in extenso: очерк не переиздан (отсутствует даже в «Полном посмертном собр. соч.»), хотя талант писателя выразился в нем вполне.

¹⁸ См. Мищенко 1895, 305.

ярчайшей из публикаций «Русского Богатства» о гимназии в изучаемое время, В. А. Эвальд, в будущем инженер, а тогда — вчерашний гимназист,¹⁹ живописует уроки русского, на которых учитель «очень наглядно, со множеством пояснительных жестов, объяснял, как в деревнях лен треплют», или, «как, сидя на вершине кавказской горы, он видел с одной стороны Черное море, а с другой Каспийское».²⁰

Неизвестно, понравилась ли статья Эвальда читателям, но редакторов она явно впечатлила, потому что помещена по соседству с переводами грандиозных отчетов Фритьофа Нансена о норвежской полярной экспедиции. Статья напечатана в ноябре 1903 года. О каждом предмете Эвальд пишет подробно, отмечая и положительные стороны, среди прочего, хорошую постановку математики. «Когда года два или три назад пробил смертный час классической системе, — читаем в начале курса о древних языках, — когда о ней заговорили по всей России с нескрываемым озлоблением не только заклятые враги ее, молчавшие до этого времени, но даже недавние друзья классического образования, я был очень удивлен одной вещью. А именно — меня удивило, что люди говорили о классицизме как о системе, построенной на том, чтобы душировать несчастных детей и юношей непосильной зубрежкой, подавляя сухим, педантичным и мертвящим преподаванием все живые силы молодежи. Может быть, когда-нибудь это так и было, но в наше время от подобных ужасов не осталось и следа. Наше поколение гимназистов тоже с отвращением вспоминает классицизм, но совсем по другой причине: он отучал нас работать, а никак не душил непосильным трудом. И если было в нем нечто растлевающее, так это именно тот разврат безделья, которым он пропитал всю обстановку нашей школы».²¹ К последнему — парадоксальному — заявлению вернемся вскоре, а пока отметим момент хронологический: «смертный час классической системы» Эвальд относит «года на два-три» назад, то есть к 1900 или 1901 году.

Самым заметным событием зимы 1901 года, повлиявшим на жизнь школ и университетов России, был «выстрел Карповича»: бывший студент Петр Карпович (ниже о нем подробнее) смертельно ранил министра просвещения Н. П. Боголепова. Боголепов возглавил министерство в 1898 после смерти Делянова. Там, где власть назначаемых сверху лиц мало ограничена властью избираемых снизу представителей, общество вынуждено думать, что личность многое значит. Смерть Делянова освободила дорогу, а приход Боголепова, человека науки, писавшего

¹⁹ Его даты: 1882–1956. Сын инженера-конструктора и беллетриста А. В. Эвальда, автор нескольких работ по физике и сельскохозяйственному транспорту. Преподавал в Московском институте инженеров транспорта. В 1935 г. был арестован по делу так называемой «Немецкой фашистской организации в СССР» и приговорен к пяти годам лагерей; сидел в Карагандинском ИТЛ: Гончаров, Нехотин 2000, 51 (на следующих страницах — неожиданно поэтичный этюд о Викторе Васнецове, послуживший уликой против Эвальда). После освобождения служил преподавателем на Факультете механизации сельского хозяйства Ульяновского сельскохозяйственного института. Его отец умер, когда Вадим Аркадьевич уже достиг совершеннолетия, но еще не закончил гимназию. Многие гимназисты, оставшиеся, как он, без средств, обеспечивали себя уроками. Ф. Ф. Зелинский находился в еще более стесненном положении, оставшись почти без куска хлеба: ввиду исключительных способностей ему позволили преподавать в младших классах. Вопреки трудностям, Эвальд окончил с медалью, но поступил не в Университет, а в Технологический институт. Из деликатности он тщательно скрыл все обстоятельства, которые помогли бы выяснить, в какой из петербургских гимназий он учился.

²⁰ Эвальд 1903, 45.

²¹ Там же, с. 56.

о римском праве, создал ощущение крутой перемены²² и, первым делом, выразился в просьбе о реформе гимназии. «Русское богатство» дает современникам возможность внимательно наблюдать ставшее роковым для классицизма историческое мгновение.

Ссылаемся на «Хронику внутренней жизни» за 1900 год, опубликованную без подписи автора, следовательно — от редакции журнала. Начало реформы средней школы положено нижегородским предводителем дворянства А. Б. Нейдгартом, который весной 1898 года направил Николаю II «верноподданнейшее ходатайство» о школьной реформе. 19 марта 1898 его опубликовали «Русские ведомости». «Богатство» находит нужным перепечатать текст послания целиком. Приводим самое существенное: «Программа нашей средней школы не соответствует по своей обширности среднему умственному развитию и возрасту учащихся и требует от них столько напряжения, что большинство их оказывается не в силах окончить полного ее курса и образует собой класс недоучек, мало полезных себе, своим семьям, отечеству. Из меньшинства же некоторые достигают выпуска лишь ценой расстроенного здоровья. Усиленное преподавание древних языков, поглощая массу учебного времени, отражается неблагоприятно на усвоении необходимых каждому новейших языков, а отсутствие основных познаний по законоведению, естественным наукам, гигиене является пробелом в образовании юноши. Изучение в средней школе родного языка весьма ограничено, и дети не выносят из нее ни истинного знания, ни любви к родной словесности».²³ Далее говорится о слабом здоровье учеников и слабом внимании школы к их здоровью. Заметно, что поводом к написанию письма послужили просьбы родителей. Повторяется слово «дети» и сын ходатай должен был вскоре поступать. Однако Нейдгарт не был лишен альтруистических побуждений, о чем красноречиво свидетельствует другая бумага, подписанная им летом 1918 года и обеспечившая ему бессмертие.²⁴

Ходатайство Нейдгарта и другие дворянские ходатайства послужили, по наблюдению редакторов «Богатства», «главным толчком реформы». Однако действовать взялись не тотчас. Следовало извлечь из прошений дворянства рациональное зерно. Нейдгарт просил, например, ввести в средней школе право (существовавшее в программе кадетских корпусов). Но Боголепов лучше прочих понимал, что знание права — специальное знание, и праву следует обучать в специальном учебном заведении. То же самое можно сказать и о введении школьного курса общей физиологии («гигиены»). Боголепов, вероятно, не стремился отменить классицизм, но — преобразовать методику, начав с упразднения *extemporalia*.²⁵

²² Нужно отметить, что Боголепов, настроенный либеральнее, чем Деянов или, тем более, Победоносцев, не был, однако, бездумным сторонником университетской и гимназической вольницы, и, в частности, по вопросу об уставе учреждавшегося Киевского политехнического института занял консервативную позицию: Андреев 2012, 60.

²³ Редакционная статья *РБ* 1900, 155.

²⁴ Знакомые единодушно характеризовали Нейдгарта как добродушного и сострадательного человека (см. Рыньков 2009).

²⁵ Циркуляр министерства, советующий придавать экстерпориалиям «лишь дидактическое значение», указан «Богатством», наряду с возвращением педагогическим советам «главного руководства в деле преподавания», как один из немногих результатов почти двухлетней деятельности комиссии: (Анненский ? 1900, 208). Безымянный аналитик (деловой, несколько ироничный тон, разбор статистических выкладок выдают участие Н. Ф. Анненского) разводит грамматический и истинный классицизм, которого до тех пор русская школа не знала: после долгой зубрежки гимназисты

Все верили, что реформа вот-вот начнется. Общество так ждало преобразований, что даже в самой школе, среди гуманных учителей, в том числе и классических дисциплин, поднялся радостный прилив либерализма. К экзаменуемым на аттестат за 1898 год отнеслись *гуманнее* прежнего, в столичные университеты полилась из провинции толпа выпускников. Провинциальные университеты недобрали, а Петербургский превысил квоты немного меньше, чем на треть, Московский — почти вдвое.²⁶

Эвальд, писавший о школе в 1903 г., предлагает обратить внимание на то, «что из 300 поступивших в институт на первый курс переходит на второй 200, а на третий 150–140».²⁷ Сложившееся в Москве и Петербурге к моменту летних экзаменов 1899 г. положение описывалось бы еще более удручающими цифрами. Под угрозой исключения уже после зимней сессии оказались слишком многие. Достаточно было искры, и ей стал указ ректора Санкт-Петербургского университета о «наказаниях за нарушения порядка».²⁸ Начались именно беспорядки, причем такие, рядом с которыми волнения десятилетней давности показались детской игрой. Серьезность положения и адекватность правительственных мер оцениваются в «Хронике» за август 1899 года: сотрудник «Русского богатства» пишет об огромности студенческих волнений, уличных стычках с отрядами полиции, скученности студентов на занятиях, отсутствии контакта между ними и преподавателями, о нехватке общежитий и вообще организации.²⁹

Царь назначает генерал-адъютанта П. С. Ванновского, бывшего военного министра, расследовать причины беспорядков и принять меры к улучшению положения. Вместе с тем при министерстве создано «особое совещание» под председательством Боголепова. Первой и самой насущной мерой была рекомендация «при поступлении держаться университета своего или ближайшего округа», причем устанавливались предельные квоты. Ассигнованы суммы на устройство студенческих общежитий, вводились практические занятия, рекомендовалось устройство литературных и научных кружков под ответственностью профессоров. Перечис-

так и не научались читать оригинальные античные тексты. Полемизируя с «Русским вестником», который продолжал удрученно настаивать, что воспитывающим ум инструментом является «именно язык, совокупность этимологических и синтаксических конструкций, а вовсе не идеи, облеченные в форму классических языков», «Русское богатство» резонно заключает: «если уж выбирать между упражнениями в грамматике древних языков и классицизмом, последний, конечно, во всех отношениях предпочтительнее». Кстати, Н. Ф. Анненский, по воспоминаниям его жены А. Н. Анненской (в девичестве Ткачевой), прошел полный гимназический курс и знал древние языки так, что мог читать авторов *à livre ouvert*. Противопоставление «языка» в качестве педагогического средства «идеям» — софизм: оба тезиса спорны. Несомненную педагогическую ценность имеет анализ латинской и греческой грамматики, воплощенной в тексте.

²⁶ 809 против запланированных 623 поступивших в Петербургский и 1015 против 547 в Московский университет. Сводная статистика для всех университетов приведена в статье: А. П. (А. Пешехонов?) 1899, 192.

²⁷ Эвальд 1903, 84.

²⁸ После годовичного акта 8 февраля 1899. Подробно о начале студенческих волнений в столице и реакции двора: Андреев 2012, 60–61. В своем обращении ректор (В. И. Сергеевич) на модном тогда ницшеанском языке назвал участников шествий «сверх-студентами», имея в виду готовность жертвовать учебой ради высших целей. В своем дневнике Короленко особенно негодует по поводу «пошлой» остроты ректора. Однако, в этом презрительном наименовании могли слышаться и намек на поступивших сверх квоты.

²⁹ Редакционная статья *РБ* 1899, 189–194.

ляем подробно, чтобы стал вполне понятен пафос решения особой комиссии, вызвавшего бурю протеста, — ввести «Особые правила об отбывании воинской повинности студентами в виде наказания за участие в студенческих беспорядках». Эта мера имела значение кнута, сопровождавшего пряник.

Комиссия из представителей средних учебных заведений, организованная при министерстве для проведения преобразований в школе, не торопилась с реформой. Снова ссылаемся на оценки журнала, избранного барометром идейного климата: «При всей ценности требований, предъявленных к системе среднего образования со стороны нижегородского дворянства, едва ли возможно пожелать, чтобы будущая реформа оказалась замкнутой исключительно в круге этих требований, так как в таком случае в ней оказались бы весьма серьезные пробелы».³⁰ Все понимают, что удовлетворение просьб Нейдгарта не означает реформы. Классицизм ущербен не только потому, что дети растратили здоровье на древние языки. Главнейший недостаток системы — «формализм». Учитель становился «передаточным механизмом» между школьником и учебным планом, учебником, министерской программой, превращался в машину по выставлению оценок.³¹ Беда заключалась в предсказуемости. Поэтому древние языки и «отучают работать». Эвальд точно описывает главный недуг школьной филологии. За гривенник у букиниста покупались типографским способом изданные «подстрочники» (тогда появилось это слово) с вокабулами и грамматическими формами: падальщиков классицизма не отпугивала ответственность за распространение в школьной среде неподцензурных изданий. Смысл комментированного чтения античных авторов — ценнейшего воспитательного инструмента при любой форме классицизма — терялся. Никто не готовился, достаточно было открыть «подстрочник». Натаскивание по грамматике без применения к текстам ничего не давало. Между тем надвигались экзамены с экстемпоралиями, и результат выходил пугающим: от 40 до 60 учеников увольняли ежегодно из-за неуспеваемости по древним языкам. Еще больше оставляли на второй год, что оказывалось губительным для школьного общества: жизнь в мужских классах диктовалась старшими — хроническими второгодниками, почитавшими безделье за лихость.³²

Комиссия Боголепова заседала без видимых результатов, тогда как нервная обстановка продолжала нарастать. В конце 1900-го студенческие демонстрации возобновились. В январе 1901-го отданы в солдаты 183 киевских студента. Либеральные настроения, прорвавшиеся в жизнь после ходатайства Нейдгарта, начинают приносить плоды. Среди «забритых» был, например, Степан Балмашев (1881–1902), убивший в 1902 году министра внутренних дел Д. С. Сипягина. Казарменная

³⁰ Редакционная статья *РБ* 1900, 157.

³¹ Там же, 161.

³² «Получить по древним языкам двойку считалось удалью: этим хвастались товарищи друг перед другом»: Эвальд 1903, 61. На с. 63–65 того же очерка со школьной тщательностью выписана картина гимназических будней. Опоздания, курение, узаконение прогулов. Пока одного спрашивали, остальные спали, бодрствовал только тот, кто подсказывал. Вывод автора: «Гимназическая обстановка вся пропитана ложью и обманом». Следует перечисление уставных правил поведения вне гимназии, которые до мелочей прописывались в дневниках и строго соблюдались. Обязательность формы, шинели, ранца, невозможность проводить время где-либо кроме школы и дома. Вывод: «Индивидуальность была отменена» (с. 67). Гимназистов не пускали в рестораны и театры даже вместе с родителями. Учителей однажды заставили выполнять полицейские функции – отлавливать на улице школьников, гулявших позднее десяти часов вечера.

жизнь студента продолжалась с февраля по сентябрь 1901, в октябре он вновь поступил в Киевский университет. Взяли Балмашева с первого курса, ему было 20 лет. Значит, злостный второкурсник: успевающие оканчивали последний, восьмой, класс гимназии 18-летними. Боголепов смертельно ранен 14 февраля гомельским мещанином Карповичем (1874–1917), изгнанным из Московского университета в 1896 г. и из Юрьевского в 1899. К моменту поступления в университет осенью 1895-го ему исполнился 21 год. Видимо, *жертва классицизма*. В Лондоне, после того как в 1907-м он бежал с поселения, Карпович работал банщиком.

Пока умирал Боголепов (он скончался 2 марта), петербургские студенты митинговали. 19 февраля — шествие в связи с 40-летием отмены крепостного права. Митингующих разогнала полиция, не обошлось без драки. 4 марта — новое большое собрание у Казанского собора, против репрессивных мер в отношении студенчества. Подробное описание разгрома этого митинга дает Короленко в дневниковой записи, пересказывая письмо А. Н. Анненской. Пришли известные люди, «чтобы, если возможно, то несколько удержать насилия, а если невозможно, то быть свидетелями происходящего». Разгонявшие митинг городовые и конные казаки нанесли побои Н. Ф. Анненскому и другим пришедшим.³³ Университетские города бурлят всю весну. Ванновский, заняв место Боголепова, осенью 1901-го перевел греческий язык в ранг необязательных предметов.

Весной следующего года назрела отставка 79-летнего генерала. Новым министром назначен Г. Э. Зенгер, в обращении к которому Николай II указывает на важность образовательной реформы, призванной остановить студенческие волнения (опубликован «Правительственным вестником» 10.06.1902). Отмены древних языков среди рекомендуемых мер не было. Филолог Зенгер пытается, напротив, замедлить падение, вернув греческий на новый 1902–1903 учебный год. «Богатство» ответило дельной статьей Мякотина в разделе «Хроника внутренней жизни». Цитируя царский рескрипт и рекомендации министерства, Мякотин указывает: «Ученик, которые в позапрошлом [1900] году приступили было к изучению древних языков, а в прошлом году были освобождены от этого изучения, теперь должны будут вновь вернуться к нему».³⁴ Директорская комиссия, продолжившая при Зенгере дело комиссии Боголепова, указывала на перегруженность учеников 4-го класса лингвистическим материалом (древнегреческий и церковнославянский добавлялся к латыни и двум новым языкам). В результате обязательный греческий в 1903 был все-таки отменен. Вскоре судьбу греческого разделила и латынь, также подвергшаяся «бифуркации».

³³ Короленко 1928, 223. Ошибочно связывать демонстрацию 4 марта с отлучением Льва Толстого от Церкви 25 февраля (как в кн.: Пржиборовская 2008, 10). В дневнике Короленко, воспоминаниях А. Н. Анненской и Т. А. Богданович ясно прописано, что вышедшие на улицу студенты собирались протестовать против постановления об отдаче в солдаты (Анненская 1914, 58–61; Богданович 2007, 248–252). Этот протест читался в поднятых над толпой плакатах («Отмена Временных правил»), увидев которые, полиция и казаки бросились избивать митингующих. Присутствие на Казанской площади петербургского градоначальника Н. В. Клейгелса не остановило побоища. Насилие по отношению к уважаемым обществом людям (среди них П. Ф. Лесгафт, В. В. Вересаев, В. А. Поссе, Н. А. Рубакин), особенно же избивание Анненского, вызвало возмущение интеллигенции; по инициативе А. И. Богдановича был подписан «протест сорока четырех». Одним из следствий стало ускорение гимназической реформы: позиции противников классицизма усилились.

³⁴ Мякотин 1902, 145.

Историческим уроком краха гимназии «толстовского» типа, просуществовавшей в России 31 год, остается несостоятельность фундаментального тезиса бывших защитников классической системы: перед несомненно прекрасной целью нельзя стесняться столь же несомненно убогих средств. Заканчиваем поэтому возражениями Короленко против «максимализма», высказанными Л. Н. Толстому при их встрече в Гаспре в 1902 году: «На все явления общественной жизни я привык смотреть не только с точки зрения целей, к которым стремятся те или другие общественные партии, но и с точки зрения тех средств, которые они считают пригодными для их достижения. Очень часто самые благие конечные намерения приводят общество к противоположным результатам, тогда как правильные средства дают порой больше, чем от них первоначально ожидалось»³⁵.

Литература

- А. П. (А. Пешехонов?) Упорядочение университетской жизни. *Русское богатство* 1899, 8, 191–193.
- Андреев Д. А. Студенческие беспорядки и борьба в правительственных верхах зимой — весной 1899 года. *Российская История* 2012, 1, 59–68.
- Анненская А. Н. Из прошлых лет. *Русское Богатство* 1914, 7, 58–61.
- (Анненский Н. Ф.?) Хроника внутренней жизни. Приступ к реформе средней школы. *Русское богатство* 1900, 9, 206–209.
- Богданович Т. А. *Повесть моей жизни. Воспоминания 1880–1909*. Новосибирск, Свиньин и сыновья, 2007.
- Витте С. Ю. *Воспоминания*. М., Соцэкгиз, 1960.
- Волконский С. М. *Мои воспоминания*. М., Искусство, 1992.
- Гончаров В., Нехотин В. Вадим Эвальд. Великая Русь Виктора Васнецова. Предисловие к публикации. *Русская провинция* 2000, 4 (36), 50.
- Горянин А. Б. *Русское Богатство. Отечественные записки* 2004, 6 (21), 154–171.
- Делянов И. Д. О сокращении гимназического образования. *Сборник постановлений по Министерству народного просвещения* 1894, 10, 882–883.
- Зелинский Ф. Ф. *Из жизни идей. Т. 2. Древний мир и мы*. СПб., Алетея, 1997.
- Изметьева Г. П. Споры в российской печати 60-х годов XIX века о классическом образовании. *Вопросы истории*. 2003, 2, 157–164.
- Короленко В. Г. *Воспоминания. Статьи. Письма*. М., Советская Россия, 1988.
- Короленко В. Г. *Полное посмертное собрание сочинений. Т. 3. Дневник 1895–1898 гг.* Полтава, Госиздат Украины, 1927.
- Короленко В. Г. *Полное посмертное собрание сочинений. Т. 4. Дневник 1898–1903 гг.* Полтава, 1928.
- Короленко В. Г. С экзаменами... Без экзаменов... С экзаменами... *Русское богатство* 1907, 4, 165–167.
- Мищенко Ф. Классицизм (как школьная система). *ЭСБЕ* 1895, 15, 301–305.
- Мякотин В. А. Новые планы школьных преобразований. *Русское богатство* 1902, 7, 144–146.
- Мякотин В. А. Судьба греческого языка в гимназиях. *Русское богатство* 1903, 10, 144–146.
- Немировский А. И. Античный цикл В. Яна. В кн.: В. Ян. *Собр. соч. в 4-х томах*. М., Правда, 1989, Т. 1, 546–555.
- Пржиборовская Г. А. *Лариса Рейснер*. М., Молодая гвардия, 2008.
- Редакционная статья РБ. Хроника внутренней жизни. *Русское богатство* 1899, 8, 189–194.
- Редакционная статья РБ. Хроника внутренней жизни: Вопрос о реформе средней школы и его обсуждение в обществе и печати. *Русское богатство* 1900, 3, 154–163.
- Рыньков В. В. *Жизнь и духовный подвиг Алексея Борисовича Нейдгарта*. Арзамас, Арзамасская типография, 2009.

³⁵ «Максимализм и государственность», гл. XII из очерков «Земли! Земли!» (1917–1919, первая публикация в журн. «Голос минувшего» в 1922 г.), цит. по: Короленко 1988, 128.

- Спасский Л. А. Воспоминания о Вятской гимназии. Опубликовала Т. В. Малышева. *Герценка: Вятские записки* 2004, 7, http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number7&ELEMENT=gerzenka7_6_1 (31.5.2017).
- Толстой Д. А. *Речи и статьи*. СПб., Типография В. С. Балашева, 1876.
- Финкельштейн К. И. (Ред.) *Императорская Николаевская Царскосельская Гимназия*. СПб., Серебряный век, 2008.
- Эвальд В. А. Еще о школе и жизни. *Русское богатство* 1903, 11, 44–83.
- Pozdnev M. M. Aufstieg und Niedergang des Schulklassizismus in Russland im 19. Jh. *Hyperboreus* 2015, 21 (2), 195–215.

Для цитирования: Позднев М. М. Отмена системы классического образования в России (по материалам «Русского богатства»). *Philologia Classica* 2017, 12, 1, 98–110. DOI: 10.21638/11701/spbu20.2017.110.

References

- A. P. (A. Peshekhonov?) Uporiadochenie universitetskoj zhizni [The Regulation of Universities' Life]. *Russkoe Bogatstvo [Russian Wealth]* 1899, 8, 191–193.
- Andreev D. A. Studencheskie besporiadki i bor'ba v pravitelstvennykh verkhhakh zimoi — vesnoi 1899 [Students' Troubles and the Struggle of the Governmental Heads in Winter and Spring of 1899]. *Rossiiskaia Istoriiia [Russian History]* 2012, 1, 59–68.
- Annenskaja A. N. Iz proshlykh let [From the Past Years]. *Russkoe Bogatstvo [Russian Wealth]* 1914, 7, 58–61. (Annenskij N. F.?) Khronika vnutrennei zhizni. Pristup k reforme srednei shkoly [Chronicle of Internal Life. The Approach to School Reform]. *Russkoe Bogatstvo [Russian Wealth]* 1900, 9, 206–209.
- Bogdanovich T. A. *Povest' moei zhizni. Vospominaniia 1880–1909 [The Tale of My Life. Memoirs of 1880–1909]*. Novosibirsk, Svin'in i synovja, 2007.
- Delianov I. D. O sokrashchenii gimnazicheskogo obrazovaniia [On the Reduction of Gymnasium Education]. *Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniia [Collected Resolutions of the Ministry of Public Education]* 1894, 10, 882–883.
- Evald V. A. Estshe o shkole i o zhizni [More about School and Life]. *Russkoe Bogatstvo [Russian Wealth]* 11 (1903) 44–83.
- Finkelstein K. I. (Ed.) *Imperatorskaia Nikolaevskaia Tsarskoselskaia Gimnasia [The Emperor's Nicholas Gymnasium at Tsarskoe Selo]*. Saint Petersburg, Serebr'anyi vek, 2008.
- Goncharov V., Nekhotin V. Vadim Evald. Velikaia Rus' Viktora Vasnetsova. Predislivie k publikatsii [The Great Rus' of Viktor Vasnetsov. Preface to Publication]. *Russkaia provintsiiia [Rissian province]* 2000, 4 (36), 50.
- Gor'anin A. B. *Russkoe Bogatstvo [Russian Wealth]*. *Otechestvennye zapiski [Domestic Notes]* 2004, 6 (21), 154–171.
- Izmestjeva G. P. Spory v rossiiskoi pechati 60-h godov XIX veka o klassicheskom obrazovanii [Debates in the Russian press of the 1860-ies on the classical education]. *Voprosy istorii [Questions of History]* 2003, 2, 157–164.
- Korolenko V. G. Vospomoinaniia. Sta'i. Pis'ma [Memoirs. Articles. Letters]. Moscow, Sovetskaia Rossiia, 1988.
- Korolenko V. G. *Polnoe posmertnoe sobranie sochinenii. T. 3. Dnevnik 1895–1898 [The Complete Collected Works Posthumous Edition. Vol 3. Diary 1895–1898]*. Poltava, Gosizdat Ukrainy, 1927.
- Korolenko V. G. *Polnoe posmertnoe sobranie sochinenii. T. 4. Dnevnik 1898–1903 [The Complete Collected Works Posthumous Edition. Vol 4. Diary 1898–1903]*. Poltava, Gosizdat Ukrainy, 1928.
- Korolenko V. G. S ekzamenami... Bez ekzamenov... S ekzamenami [With Exams... Without Exams... With Exams...]. *Russkoe Bogatstvo [Russian Wealth]* 1907, 4, 165–167.
- Miakotin V. A. Novye plany shkolnyh preobrazovanii [New Plans of School Reforms]. *Russkoe Bogatstvo [Russian Wealth]* 1902, 7, 144–146.
- Miakotin V. A. Sud'ba grecheskogo jazyka v gimnazijah [The Fate of Greek in Gymnasiums]. *Russkoje Bogatstvo [Russian Wealth]* 1903, 10, 144–146.
- Mistschenko F. Klassitsizm (kak shkolnaia sistema) [Classicism (as a school system)]. *ESBE [Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary]* 1895, 15, 301–305.
- Nemirovskii A. I. *Antichnyi tsikl V. Iana [The Ancient Series of V. Ian]*, in: V. Ian. *Coll. Works*. Moscow, Pravda, 1989, I, 546–555.

- Pozdnev M. M. Aufstieg und Niedergang des Schulklassizismus in Russland im 19. Jh. *Hyperboreus* 2015, 21 (2), 195–215.
- Przhiborovskaia G. A. *Larisa Reisner*. Moscow, Molodaia gvardiia, 2008.
- Redaktsionnaia statia *RB* [Editorial Article of *Russian Wealth*]. *Khronika vnutrennei zhizni* [Chronicle of Internal Life]. *Russkoe Bogatstvo* [*Russian Wealth*] 1899, 8, 189–194.
- Redaktsionnaia statia *RB* [Editorial Article of *Russian Wealth*]. *Khronika vnutrennei zhizni: Vopros o reforme srednei shkoly i ego obsuzhdenie v obshchestve i pechati* [Chronicle of Internal Life: The Question of School Reform and the Debate on It in the Society and the Media]. *Russkoe Bogatstvo* [*Russian Wealth*]. 1900, 3, 154–163.
- Ryn'kov V. V. *Zhizn' i dukhovnyi podvig Alexeia Borisovicha Neidgardta* [The Life and the Spiritual Heroic Deed of Alexey Borisovitch Neigardt]. Arzamas, Arzamaskaia tipografiia, 2009.
- Spasskii L. A. *Vospominaniia o Viatskoi Gimnazii* [Memoirs of Viatka Gymnasium]. Ed. by T. V. Malysheva. *Gertsenka: Viatskije Zapiski* [*Gertsenka: Viatka Notes*] 2004, 7, http://www.herzenlib.ru/almanac/number/detail.php?NUMBER=number7&ELEMENT=gerzenka7_6_1 (31.5.2017).
- Tolstoi D. A. *Rechi i stat'i* [*Orations and articles*]. Sankt Petersburg, Tipografiia V. S. Balasheva, 1876.
- Vitte S. J. *Vospominaniia* [Memoirs]. Moscow, Sotsekgiz, 1960.
- Volkonskij S. M. *Moi Vospominaniia* [*My Memoirs*]. Moscow, Iskusstvo, 1992.
- Zielinski Th. *Iz zhizni idei. T. 2. Drevnii mir i my* [The Life of Ideas. Vol. 2. Ancient World and Us]. Saint Petersburg, Aletheia, 1997.

For citation: Mikhail M. Pozdnev. Abandonment of the System of Classical Education in Russia (on the materials of “Russkoe Bogatstvo” [“Russian Wealth”]). *Philologia Classica* 2017, 12, 1, 98–110. DOI: 10.21638/11701/spbu20.2017.110.

ABANDONMENT OF THE SYSTEM OF CLASSICAL EDUCATION IN RUSSIA (BASED ON THE MATERIALS OF “RUSSKOE BOGATSTVO” [“RUSSIAN WEALTH”])

Mikhail M. Pozdnev

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; m.pozdnev@spbu.ru

In analyzing the shortcomings of the so called ‘classical system’ that led to its actual destruction in the abandonment of the obligatory final examinations in Greek (1903), the author makes use of the representation of public opinion in the liberal journal *Russian Wealth* (Russkoe Bogatstvo). It is more or less well known that a formal approach to teaching as well as the compulsory character of the classical education, together with limitations on educational opportunities for talented youth caused the collapse of the classical gymnasium in pre-revolutionary Russia. But how, precisely, did this happen? The statistical material provided by N. F. Annenskii and the lively sketches by V. G. Korolenko, as well as the impartial detailed reports and eyewitness testimonies published by a popular periodical allow us to perceive the immediate causes of the catastrophe. Fatal for classical education in schools was hatred of the government, resulting in the teachers’ sympathy for weak school graduates. The latter passed the final exams with low results and flooded the universities in 1899. This was at the bottom of the students’ disturbances of 1901 and resulted in the triumphal fall of the educational edifice built in 1871 by count D. A. Tolstoy. Refs 29.

Keywords: Classical gymnasium, Russian Wealth, history of education, Korolenko, Annenskii.

Received 09.02.2017

Final version received 27.04.2017